

УДК 882:378.147.34

**ПОРТРЕТ КАК ЗНАК В
ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА**

Саркисов Александр Исаакович

доцент

asarkisov1957@me.com

Кудрявкин Сергей Серафимович

доцент

Мичуринский государственный аграрный университет

г. Мичуринск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности бытования в лирике и эпистолярном наследии Ф.И. Тютчева такого идеографического знака как портрет.

Ключевые слова: семиотика, знак, реципиент, идеографический знак, знак-копия, портрет.

Знаковый мир лирики и эпистолярного наследия Ф.И. Тютчева достаточно разнообразен. Цветы и бой часов, памятники архитектуры и просто здания, письма и различные тексты, те или иные предметы, календарные даты и многое другое способны хранить в себе ту или иную информацию разной степени важности для лирического героя или самого поэта.

Изучением знаковых систем в философии и лингвистике занимается семиотика (семиология). Наибольшую разработку проблемы этой науки получили в трудах Ю.М. Лотмана и представителей тартуско-московской семиотической школы [См.: 1-4, 6]. К области семиологии видится возможным также отнести исследование знаковых миров в творчестве того или иного писателя.

В знаковом мире Тютчева определенное место занимают также портреты и дагерротипы. В «Лекциях по структуральной поэтике» Ю.М. Лотман относит знаки этого типа к идеографическим, т.е. «воспроизводящим внешний вид изображаемого предмета» [6, с. 60].

Как эталонный пример идеографического знака, портрет встречается в наследии Тютчева относительно редко. Иногда он воспринимается героем и поэтом вполне традиционно. Основные функции, выполнение которых требуют они от портрета, – напоминание и замещение изображенного. Например, в письме к М.П. Погодину от 1820 года юный Тютчев просит выслать ему силуэт, долженствующий заменить-заместить адресата: «Если не могу иметь вас самих, то буду очень рад иметь ваш силуэт» [5, с. 162]. Знак-копия, таким образом, желателен для адресанта.

Принципиально схожее желание Тютчев выразит и в письме Н.В. Сушкову в начале 1847 года. Речь будет идти о портрете П.Я. Чаадаева: «При свидании с Чаадаевым скажите ему, пожалуйста, что я все еще в ожидании обещанного и до сих пор не полученного портрета. И если я до сих пор еще не благодарил его, то это потому, что я слишком дорожу самым делом, чтобы удовольствоваться одним благим намерением...» [5, с. 244].

В способности заместить изображенного Тютчев не отказывает и собственному дагерротипу. «...хочу написать тебе спокойное и рассудительное письмо, такое письмо, которое ты могла бы прочесть перед моим дагерротипом, не обращая к нему упреков...» [5, с. 262], – пишет он Э.Ф. Тютчевой в июле 1851 года. А через пару недель в письме тому же адресату Тютчев будет иметь в виду уже напоминающую функцию своего портрета: «Сколько раз ты завтракала и обедала так, словно твоего бедного старика уже нет на свете, и словно его дагерротип – единственное, что от него осталось, дабы напоминать тебе о нем...» [5, с. 269].

Таково же отношение поэта и к дагерротипу жены, который должен и напоминать, и замещать отсутствующую Эрнестину Федоровну: «Г-жа Шмидт в отъезде. Что до твоего дагерротипа, то пусть эта славная женщина потерпит до твоего возвращения. А до тех пор, уж как ей будет угодно, а он не покинет моего письменного стола...» [5, с. 274].

В приведенных примерах портрет как знак выступает в пассивной роли по отношению к пользователю. Лишь однажды он сможет более активно воздействовать на реципиент. Видимо, письмо дочери (Дарьи Федоровны) позволило Тютчеву сделать следующие вывод и сравнение: «Я вижу, моя милая дочь, что мое бедное изображение навеяло на тебя грусть и меланхолию, и я невольно подумал о впечатлении, произведенном на Гамлета видом некоего черепа, когда-то хорошо знакомого ему и любимого им...» [5, с. 426]. Но это своего рода исключение, подтверждающее правило: Тютчев и его герой имеют определенные претензии к портрету и считают его знаком малоинформативным.

Функциональность знака-портрета иногда усиливается Тютчевым с помощью сопровождающих знаков. Именно так обстояло дело с портретом поэта, подаренным им Ф.Ф. Вигелю. Подарок имел поэтическое приложение – четверостишие:

Прими как дар любви мое изображение,
Конечно, ты его оценишь и поймешь.

Припомни лишь при сем простое изречение:

«Не по хорошу мил, а по милу хорош»

(Почтеннейшему имениннику

Филиппу Филипповичу Вигелю, 1849) [5, с.63]

Казалось бы, портрет должен стать знаком и Тютчева, и указанного изречения. Но с другой стороны, изречение, и, кстати, стихи в целом, должны были, в свою очередь, напоминать о портрете.

В другой раз, посылая свой портрет А.А. Фету, Тютчев вновь дополнит знаковость изображения вербальным сопровождением:

Тебе сердечный мой поклон

И мой, каков ни есть, портрет,

И пусть, сочувственный поэт,

Тебе хоть молча скажет он,

Как дорог мне был твой привет,

Как им в душе я умилен...

(А.А. Фету, 1862) [5, с.89]

Портрет как знак ограничен в возможности выражения. И поэт немного лукавит, наделяя его способностью "молча" сказать о чем-то. "Говорить" будет послание, значение которого внешне умалено, но, по сути, доминирует над значением идеографического знака.

Та же ситуация сохраняется и в письмах поэта. Так, передавая Н.Н. Шереметевой благодарности жены за «родственно-дружеское» отношение к ней самой вообще и к ее портрету в частности, Тютчев замечает: «Жена в особенности поручила мне благодарить вас, что вы частичку этого уделили и на ее портрет, который и сам бы, вероятно, высказал вам тоже свою благодарность, если бы, при свидании с вами, удалось ему промолвить хоть одно словечко...» [5, с.233]. Шутливо ироничный стиль письма очевиден, но столь же очевидны и претензии к "бессловесности" портрета, малой выразительности знака-копии.

В 1847 году Тютчев получает в подарок от Чаадаева его портрет. Подарку придается большое значение уже по одному тому, что Чаадаев пользовался большим уважением поэта. Из благодарственного письма Тютчева ясно, что особую важность портрету придает опять же какой-то сопровождающий вербальный знак, видимо дарственная надпись: «я мог ждать только скромной литографии; судите же, с каким признательным удивлением я получил от вас прекрасный портрет, столь удовлетворяющий всем желаниям и обращенный... столь обязательно именно ко мне...» [5, с. 245].

В этом же письме выражено программное в свете рассматриваемой темы отношение Тютчева к портрету как знаку: «Ваш портрет, любезнейший друг мой, вполне удовлетворил бы всем моим желаниям, если бы вдобавок мог сообщить мне сведения, которые я желал бы иметь о вас...» [5, с. 245]. Иначе, портрет не удовлетворяет желанию Тютчева именно из-за информационной ограниченности.

Напоминающая же и замещающая функции портрета не столь важны для поэта и героя. Их сознание не нуждается в подобных «услугах» идеографического знака. Это косвенно подтверждает следующий пример. Получив от М.И. Жихарева фотографию дома того же Чаадаева, Тютчев заявляет: «Не без умиления узнал я в присланной вами фотографии знакомую, памятную местность – этот скромный ветхий домик, о котором незабвенный жилец его любил повторять кем-то сказанное слово, что весь он только одним духом держится. И этим-то духом запечатлены и долго держаться будут в памяти друзей все воспоминания, относящиеся к замечательной, благородной личности одного из лучших умов нашего времени...» [5, с. 342].

Таким образом, сохранение чего-либо в памяти самого поэта и его лирического героя обеспечивается прежде всего неким идеально-мистическим началом, в связи с чем функции реальных идеографических знаков оказываются или излишними (напоминающая и замещающая функции), или малоэффективными (информативная функция).

Список литературы:

1. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2001. – 704 с.
2. Почепцов, Г.Г. Русская семиотика / Г.Г. Почепцов. – М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2001. – 768 с.
3. Почепцов, Г.Г. Семиотика / Г.Г. Почепцов. – М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2002. – 432 с.
4. Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академ. проект, 2001. – 702 с.
5. Тютчев, Ф.И. Собрание сочинений / Ф.И. Тютчев. – Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2003. – 592 с.
6. Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – 443 с.

UDC 882:378.147.34

PORTRAIT AS A SIGN CREATIVE HERITAGE F.I. TYUTCHEV

Sarkisov Alexander Isaakovich

Docent

asarkisov1957@me.com

Kudryavkin Sergey Serafimovich

Docent

Michurinsk State Agrarian University

Michurinsk, Russia

Annotation. The article examines the peculiarities of being in the lyrics and epistolary heritage of F.I. Tyutchev such an ideographic sign as a portrait.

Key words: semiotics, sign, recipient, ideographic sign, copy sign, portrait.